

Геннадий Хазанов:

Труд - 1993 - 27 марта - с. 6

«Есть у нас еще дома дела»

Самый знаменитый ученик кулинарного техникума совершил гастрольную поездку по Америке. Впрочем, как он сам говорит, техникум остался в далеком прошлом, ныне ему приходится ускоренным курсом проходить университет политики. Жизнь заставляет: политизирована она теперь до крайности — ни в столице, ни в Нижнем Новгороде, где Геннадий Викторович недавно побывал, «кулинарными» шутками публику не насытишь. Но программа, которую он привез сюда, в основном просто юристическая. Называется она понятно для обитателей нью-йоркской «Новой Одессы» и других центров скопления русскоязычных иммигрантов: «ОВИР — БРОДВЕЙ — АЗОВЫЙ ВЕЙ».

Заработок артиста, по здешним понятиям, очень скромный. Однако вот что любопытно. Раньше для приезжавших исполнителей выступление перед коллективом родного посольства было чем-то вроде обязательной подачи. Сейчас они, как правило, не считают нужным даже сообщить о своем приезде, не то что выступить перед своими. И их, в общем, можно понять. А Хазанов так же, как и все прочие, абсолютно не завися от милости или немилости чиновных и кечинных соотечественников, в каждый свой приезд дает им полнометражный концерт — и в Вашингтонском посольстве, и в нью-йоркской миссии при ООН. Просто знает, что и они нуждаются в его слове. А у нас с ним получился очень продолжительный и откровенный разговор, из которого я здесь приведу только самое основное.

— Судя по географии ваших выступлений — Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Майами, Сент-Луис, Сан-Диего, — местная аудитория Хазанова угрожающе расширяется. Это к тому, что вы однажды сказали: кому как, а мне уезжать «за бугор» нет резона, моя аудитория — Россия, вернее, тогда еще — СССР. Что, баланс действительно меняется?

— Кардинальных изменений нет, квота для въезда иммигрантов из бывшего Советского Союза осталась прежней. А из уже осевших здесь при самых идеальных обстоятельствах посещают концерты процентов десять, не больше. Из только что приехавших — и того меньше, ни не до концертов, денег не хватает на более неотложные нужды. Обычно у меня одно выступление на город. Исключение составил Лос-Анджелес, где их было три — с аншлагом даже на дневном воскресном концерте. Поскольку билеты стоят всего 10—12 долларов, антрепренер Алекс Иванов, организуемый мои гастроли, не может снимать хорошие залы, денег на это не хватит. Моя аудитория, если брать всю Америку, в лучшем случае что-нибудь около 15 тысяч. Аренда помещений, перелеты, гостиницы съедают львиную долю сборов. Хорошо еще, что мне не требуется декораций и музыкального сопровождения...

Вся эта статистика — для сведения. А отвечая на ваш основной вопрос, могу сказать, что «за бугор», даже если кто-то надеется на обратное, как не собираюсь, так и не собираюсь. Как пел когда-то Бернес, есть у нас еще дома дела.

— В нынешней программе у вас бытовых тем побольше, по-

литики явно поменьше. Здешнюю аудиторию наши дела не очень волнуют?

— Это не совсем так. В подавляющем большинстве моя аудитория — эмигрировавшие в то или иное время евреи. Уезжали они не от страны, где родились, уезжали от власти, режима, системы — как хотите назовите. Как уехали бы и многие другие, если бы имели возможность. Память человеческая хитро устроена, она старается отбросить все горькое, что было в прошлом, и сохранить хорошее, даже если остались грубые рубцы. Этим, собственно, и объясняются мои аншлаги. Но, поймите, тот срок, что они успели прожить здесь, вырван из их восприятия, и многое, о чем я говорил в январе в Нижнем Новгороде, здесь повторить было бы бессмысленно.

— Геннадий Викторович, вот закончили ваши гастроли, настал час садиться в обратный самолет. По-честному, все-таки не портится у вас настроение в такой момент? Не обижайтесь, пожалуйста, я вот к чему речь веду. Последнее время все чаще узнаешь, что один соотечественник-дипломат устроился на баснословный по нашим понятиям оклад в американскую фирму другой вообще чуть ли не в Пентагоне подвизается. Причем это все люди с достаточно высокими дипломатическими рангами, а некоторые, что особенно любопытно, — бывшие ответственные работники ЦК КПСС, чинившие нас любя свою «социалистическую ролю» и ненавидящих американских империалистов.

— Каждому свое. Насчет наших бывших «учителей» меня ничто не удивляет, они всегда имели два стандарта: один для себя, другой для нас, «простых советских людей». А у меня, честное слово, по мере прибли-

жения отъезда настроение не портится, а наоборот, поднимается. Как бы это понятнее объяснить, чтобы не выглядело высокопарно... Я ведь как-никак артист, а артист, тем более моего жанра, не может без чувствующей аудитории — я подчеркиваю: чувствующей. Здесь она в лучшем случае — сочувствующая. Улавливаете разницу? И потом еще одна вещь, имеющая для меня значение. Ощущение своей нужности — великое дело для артиста. Дома, я знаю, — я нужен, я — отдушина для пострадавших моих сограждан. А тут я — одно из развлечений, одно из множества, имеющихся в их распоряжении.

— Сатирик поэтом может не быть, но гражданином просто в силу самой профессии быть обязан. Как вы относитесь к происходящему в Москве?

— Если бы мне предложили на выбор осуществить одно мое желание, я бы сказал: хочу помирить всех людей у нас дома, на всех «просторах родины чудесной», как мы когда-то называли исчезнувший Советский Союз. Ну нельзя же, чтобы люди, столько лет мирно прожившие бок о бок, теперь жили во имя уничтожения друг друга. Немыслимая же вещь! Я не делаю из Ельцина ангела, я понимаю, что он во многом наступает себе на горло, что допущено много ошибок, грубых ошибок, но я принимаю и приветствую то, что он делает для того, чтобы не дать России скатиться к братоубийству.

— По форме вы — шутник, вас цитируют наподобие Ильфа и Петрова, но к вашим суждениям прислушиваются очень серьезно, вы, очевидно, это знаете. Видите ли вы какой-то выход из нынешнего политического тупика, помимо всенародного референдума? Или оппозиция плюнет и на народное волеизъявление и будет нас всех загонять дальше в угол?

— Я думаю, на сегодняшний день радикальнейший вопрос — принятие новой Конституции, потому что нельзя происходящее рассматривать только как драку между Ельциным и Хасбулатовым. А если их завтра не будет? Опять все по новой? Государство, которое хочет функционировать нормально, должно иметь нормальную Конституцию. Референдум, на мой взгляд, должен ответить на один вопрос: кому вы доверяете принятие конституции — съезду народных депутатов или конституционному собранию? Это основа основ. О чем идет спор? Управлять президенту или Советам, так? Слушайте, давно ведь доказано,

что Советы не управляли и не могут управлять, они могут быть только прикрытием чьей-то тоталитарной воли. Гениальный людоед Сталин это понял и использовал. И когда Хасбулатов и его братья уверяют, что они борются за власть Советов всех уровней, они врут, они борются за личную власть Хасбулатова и его наместников. Печально, что демократы этому подыграли в 1989 году при первых наших полусвободных выборах. Я в лицо сказал некоторым людям из окружения Ельцина: ребята, вы — и мы с вами — расплачиваемся за ту ошибку, это ведь вы требовали отдать власть Советам, которую у них отняли коммунисты. Короче, я голосую за твердую президентскую власть в нашей стране — по четкой вертикали.

— Помните, Геннадий Викторович, была такая журналистская рубрика «Если бы директором был я...»? Давайте разиграем другой вариант: «Если бы президентом был я...» То есть — вы.

— Ой, я бы ушел в отставку, это не для меня. Ну а серьезно... Я сделал бы все, чтобы выяснить, какую же все-таки форму власти предпочитает народ. Говоря словами Толстого, я исчерпал энергию заблуждения, но все-таки надеюсь на чудо. Ну нельзя, нельзя, чтобы на протяжении одного столетия тот же самый народ столько раз так глупо обманывали! Нужно же понять, что если мы хотим жить прилично, надо формировать в себе нормальную рыночную психологию — или как вам больше нравится ее именуйте. Нет никакой другой дороги к благополучию — ну не придумали ее пока, и все.

В заключение хочу вот что сказать. В нашем искусстве был артист, который сумел выразить сущность того, кого сейчас называют «совком». Это Володя Высоцкий, создавший образ раненого зека. Он рисовал его без какой-то определенной социальной или национальной принадлежности, без какой-то специфической «ниши». Это мог быть и простой бедолага, ни за что загремевший в ГУЛАГ, это мог быть и великий Мейерхольд. Мы все отсюда, из страны раненых зеков, и то, что сейчас делается при всех ошибках и тяжелых временах — это первая реальная попытка вырваться на свободу, освободиться от зекской психологии. Дай Бог нам всем удачи.

Беседу вел
Виссарион СИСНЁВ,
соб. корр. «Труда».
ВАШИНГТОН.